

Н.Д. Голев

Алтайский государственный университет

**Тексты рассказов В.М. Шукшина как воплощение энергии
конфликта: опыт типологии антропотекстов и языковых личностей**

В настоящей статье осуществляется опыт типологии воплощаемых в тексте речевых сценариев, или фреймов, как неких динамических схем конфликта личностей. Основные параметры описания определяются следующими аспектами и понятиями.

1. В понятие сценария вкладывается стандартное когнитивистское содержание: это – некая типовая структура данных, отражающая фрагмент действительности в его развитии. Фрагмент действительности в нашем случае имеет психолого-языковое наполнение: определенный тип психологической энергии (конфликта), стремящейся воплотиться в определенных речевых формах – схемах психолого-коммуникативного взаимодействия и речевых средствах их (схем) реализации.

2. Описание фреймов развития конфликта включает данное исследование в сферу языковой (речевой) конфликтологии [Аспекты речевой конфликтологии, 1996], как частного случая общей конфликтологии (юридической, социологической, психологической, политической). Одновременно осуществляется увязка такого рода психолого-языковых схем с типологией языковых личностей, которые характеризуются склонностью к данным типам психолого-коммуникативного поведения в условиях конфликта (ссоры) и проявляют себя в них [Седов, 1996], и типологией **антропотекстов**, то есть текстов, рассматриваемых как проявление языковой личности (типа языковых личностей). Антропотекст предстает в некотором смысле как «воплощенная в тексте языковая личность». Антропотекст в широком смысле – это не только текстовая реализация конкретной личности – автора данного текста, но и личности как представителя того или иного языко-личностного типа: исторического (типовая личность той или иной эпохи), гендерного, социального, культурного, психологического.

3. Описание развития конфликта в нашем исследовании опирается на энергетическую концепцию языка и речи. Всякому речевому произведению на физическом уровне предшествует «вдох» – вбирание определенного (по качеству и количеству) кванта энергии, «выдох» которого осуществляется по каналам и «схемам», в той или иной мере запрограммированным уже на этапе «вдоха». Таким образом, «выдох» – самореализация энергетического потенциала. Мы говорим, однако, не о физическом «вдохе / выдохе», а о коммуникативном ментальном движении речемысли – коммуникативном намерении, замысле, если понимать их не в узко рациональном смысле, а в более широком, духовном, смысле, включающем бессознательные или чувственные проявления человеческого духа, устремляющегося в сферу коммуникативного взаимодействия. В этом смысле направленность на развитие и разрешение конфликта представляет собой

сильное коммуникативное намерение, реализующееся чаще всего в неуправляемых формах (хотя и необязательно, см. далее описание фрейма «Глеб Капустин»).

4. Материалом для типологии антропотекстов и языковых личностей (в их единстве) в настоящей статье послужили художественные тексты – рассказы В.М. Шукшина, в которых представлены разнообразные типы конфликтов и конфликтных личностей. Они рассматриваются как отраженная реальность – фрагменты психолого-языковой действительности (см. п.1). В.М. Шукшин, возможно, как никакой другой писатель, особенно часто и многообразно прибегал к межличностному конфликту как основному способу художественного исследования человеческой души. Значительное место среди его рассказов занимают те, которые мы называем «эпатажными». Их персонажи составляют особый психологический тип – тонких и ранимых (а иногда всего лишь охотно изображающих обиду), которые глубоко реагируют на самые разные задевающие их слова и поступки других людей, остро их переживают. Многие рассказы построены на сознательном вызове ссоры как способе разрешения внутреннего конфликта или на стремлении **раскрыть** «нутро» лицемера, приподнять маску, которой он его прикрывает и т.п. Ссора, невольная или нередко спровоцированная, – основное художественно-речевое средство писателя в этом плане.

5. Любой языко-речевой конфликт включен в более сложную ситуацию, образуемую бытовым, национально-ментальным, социальным, психологическим, моральным и прочими параметрами. Конфликтная ситуация имеет множество вариантов, в которых, однако, можно выделить типовых участников и инвариантные признаки. Оскорбить и обидеть, чувствовать себя оскорбленным и обиженным – ключевые понятия; действия – состояния, обидчик (инвектор) и обиженный (инвектум) – типовые участники любой ссоры, проявляющиеся разнообразно и индивидуально, и в то же время допускающие типизацию. Существуют типовые цели и соответственно им – способы и средства их достижения. В лингвистическом плане важно разделить речевые и неречевые способы и средства и исследовать их взаимодействие. В данной статье последние способы и средства ставятся в зависимость от первых. При описании конфликтных сценариев в рассказах В.М. Шукшина мы выделяем в первую очередь социально-психологические свойства персонажа, которые детерминируют их речевое поведение и в конечном итоге состав и структуру речевых произведений.

6. Дальнейшая классификация конфликтных сценариев, которые образуются единством психолого-речевых конфликтов, антропотекстов, их отражающих, и языковых личностей, в них проявляющихся, строится на учете следующих признаков:

1) типы конфликтных сценариев выделяются по роли их участников: одни из них определяются психолого-речевой активностью **инвектора** (обидчика, оскорбителя), другие – активностью **инвектума** (обиженного, оскорбленного); учет поведения инвектума принципиально важен, так как его роль не исчерпывается признаком пассивности: с одной стороны, у инвектума есть свои типовые поведенческие реакции, нередко приводящие к контр-инвективе, с другой стороны, инвектум сам в той или иной мере выступает фактором инвективной «инициативы»;

2) участие воли субъектов конфликта дифференцирует преднамеренные и спонтанные конфликты; наличие целевых установок различает «принципиальные» и случайные конфликты (заметим, что В.М. Шукшина интересуют в основном конфликты «принципиальные»).

3) дифференцируются типы потенциальной энергетики конфликта и способы ее накопления и типы ее реализации, различающие энергетическую структуру конфликта;

4) неодинакова роль речевых и неречевых средств в реализации конфликта.

Опираясь на данные критерии, выделим некоторые типы конфликтных сценариев (КС), находящие регулярное отражение в рассказах В.М. Шукшина.

КС «Константин Смородин» (неуправляемый взрыв кумулятивной энергии инвектора)

Одна из излюбленных форм конфликта в рассказах В.М. Шукшина – долго накапливаемый энергетический потенциал, встретивший при его реализации сопротивление кого-либо, трансформируется в резкую агрессию.

Рассказ «Пьедестал». Художник-самоучка Смородин целый год пишет картину «Самоубийца», которую и он, и (особенно) его жена рассматривают как возможность заявить о себе миру: *«Надо, чтоб у них потом отвисли челюсти. Та-лант всегда немножко взрывается»*. *«Смородину очень хотелось “взорваться” – чтоб о нем заговорили»*. *«Таким он и входил в маленькую комнату – готовый “взорваться”, отсюда и такая свирепая решимость на его маленьком круглом лице»* [Шукшин, 1989; далее цитируется по этому изданию]. Кумуляция конфликтотенной энергии достигает кульминации – *«И вот пришла пора, пришел день, который жена Смородина молча ждала и молча торопила»* – они приглашают для показа картины известного в городе художника, который, однако, не оценил картины (к чему Смородин и его жена Зоя как бы готовы), отнесся к ней снисходительно, свысока, насмешливо и нравоучительно: *«Художник засмеялся и даже не спохватился, что, может, грешно смеяться-то»*. Это взорвало Зою. *«Вон отсюда! – раздался вдруг сзади них голос... Зоя смотрела в упор на художника, и глаза ее полыхали... не гневом даже, а гибелью, крушением»*. Последовала сцена грубого изгнания художника из дома и истерики Зои.

Речевое поведение персонажей полностью соответствует их внутреннему состоянию, меняющемуся по ходу «созревания» конфликта. Накоплению потенциала «взрыва» предшествуют достаточно долгие монологи и диалоги, в которых главные герои обосновывают свое право на общественное признание и в которых уже изначально сквозит **агрессия** против тех, кто, по их предположению, не способен их понять и оценить, завидует, интригует и т.п. Они насыщены эмоциональной речью, нередко сопровождаемой инвективными словами и репликами, как, например, в таком диалоге: *«Могут не признать, суки ... Это же не передовик на комбайне, понимаешь. Чего ты не хочешь передовика какого-нибудь? – Ни в коем случае! – твердо сказала жена. И строго посмотрела на мужа. – Что ты! Это вишнота. Крохоборство. Это же дешево!»*.

Поэтому реального и давно ожидаемого «противника» встречает уже во многом подготовленная взрывная реакция, маркируемая неуправляемыми выкриками и агрессивными инвективами. Характерна грамматическая форма инвективов: *«Подонки!... Хамье! Подонки! Подонки!»* – семантика собирательности говорит о том, что на «критикана» Колю обрушилась агрессия, предназначенная (и подготовленная) для всех ожидаемых врагов. Коля попадает в сложную внутреннюю позицию: он одновременно ощущает себя и инвектором, спровоцировавшим (в его видении как бы справедливую, хотя и не адекватную) агрессию, и инвектумом. То, что его провокация – не причина, а повод агрессии против него, он не осознает.

КС «Саша Ермолаев» (спонтанный нравственно-психологический

конфликт, ведущую роль в котором играет инвектум)

В мимолетных стычках, вроде бы случайных, отражаются характеры, сформированные предшествующей жизнью. Общество вырабатывает формы (стереотипы) их более или менее безболезненного разрешения, в том числе речевые. Но герои Шукшина, «чудики» и правдолюбцы, не следуют стереотипам. Хам – емкая формула антипода правдолюбцев-чудиков Шукшина. Сталкиваясь с ним, герой наполняется чувствами униженности, бессилия и часто, переполненный этими чувствами, движется по «логике взрыва».

Рассказ «Обида» – классический для данного КС. Саше Ермолаеву нахамила продавщица в рыбном магазине. **«Чего глядишь? Глядит! Ничего не было, да? Глядит, как Исусик. Почему-то Сашка особенно оскорбился за этого "Исусика"». Протivостояние усиливалось... Он не знал, что делать. Тут бы пожать плечами, повернуться и уйти к черту. Тетя-то уж больно того – несгибаемая».** Саша Ермолаев не отвернулся, не ушел, отстаивал свою правду, пытаясь во что бы то ни стало объяснить всем участникам конфликта, что не был он вчера в магазине. Но Сашку не слушали и не слышали, и обида его росла, приведя к психологическому надлому.

КС «Глеб Капустин» (игровой конфликт, провоцируемый инвектором-«актером»)

Этот конфликт, представленный у В.М. Шукшина многочисленно и многовариантно, предполагает, что инвектор сам провоцирует конфликт, от осуществления которого он получает психологическое или эстетическое удовлетворение. Рассмотрим два варианта сценария – «любительский» и «профессиональный».

Первый может проиллюстрировать рассказ «Вечно недовольный Яковлев». Конфликтотенный характер главного героя Бориса Яковлева характеризует сам автор следующим образом: **«Вечно он с каким-то насмешливым огоньком в глазах... Все присматривается к людям, но не идет с вопросом или просто с открытым словом, а все как-то – со стороны, сбоку: сощурит глаза и смотрит, как будто поджидает, когда человек неосторожно или глупо скажет, тогда он подлетит, как ястреб, и клюнет».** Встретив после долгой отлучки в сельском клубе своего бывшего «друга детства» Сергея, Яковлев начинает провоцировать его на ссору, для чего у него заготовлены разные психологические и речевые приемы. **«С Яковлевым трудно говорить: как ты с ним ни заговори, он все равно будет сверху – вскрылит вверх и оттуда разговаривает... расспрашивает с каким-то особым гадким интересом именно то, что задело за больное собеседника».** В сущности, его речевая стратегия и тактика проста: прямые (язвительные) или косвенные (иронические) реплики и комментарии по поводу сказанного или увиденного, которые перемеживаются с инвективными словами, выражениями, интонациями, жестами, взглядами. **«– Стоя-ат... бараны и бараны, курва. И вся радость вот так вот стоять? – Яковлев прямо, ехидно и насмешливо посмотрел на него, Серегу: то есть он и его, Серегу, спрашивал – вся радость, что ли, в этом?».** Подобная тактика выводит из себя собеседника. Серега начинает отвечать тем же. Именно этого и добивался инвектор-актер Яковлев. Писатель комментирует: **«Странная душа у Яковлева – витая какая-то: он, правда, возмущался, что заговорили так ... нервно, как по краешку пошли, он все бы и ходил вот так – по краешку!».**

Вариант с «профессиональным» инвектором представлен в известном рассказе «Срезал» [Рассказ В.М. Шукшина «Срезал»: Проблемы анализа, интерпретации, перевода, 1995]. Его герой, Глеб Капустин, искусственно создавая ситуацию рече-

вого конфликта, «брал верх» над знаменитыми земляками, приезжавшими навестить в деревню родителей. Для этого у него был выработан специальный сценарий-ритуал, осуществление которого присутствующие односельчане рассматривали как импровизированный спектакль. Стратегия речевого поведения здесь более сложная, чем та, к которой прибегал Борис Яковлев. Глеб Капустин «загонял собеседника» в заранее подготовленную научную тему (топик), тем самым возвышая значимость речевого поединка (и – соответственно – себя) разного рода манипулятивными приемами (передергиваниями, субъективной интерпретацией, демагогией), выводил растерявшегося противника из психологического равновесия и заставлял допускать ошибки (неважно какие: фактические, поведенческие, коммуникативные, нормативно-речевые), выступающие поводом для психолого-речевой агрессии, на которую у оппонентов не могли немедленно ответить из-за неожиданности речевой атаки. Здесь уместно привести комментарии автора типа *«Зря он так, не надо бы так»; «... Это он тоже зря, потому что его значительный взгляд был перехвачен; Глеб взмыл вверх»*. Из всех ошибок выделим нормативно-речевую, когда оппонент Глеба, кандидат филологических наук, позволил себе вольный комментарий эскапад Глеба с использованием просторечных выражений *«токатил бочку»* и *«с цепи сорвался»*, чем «нарвался» на демагогическое нравоучение: *«... Не все средства хороши, уверяю вас, не все. Вы же, когда сдавали кандидатский минимум, вы же "не катили бочку" на профессора. Верно?»*. Характерно буквалистское отношение к слову оппонента – типичный прием демагогии.

Отбиваясь от речевой агрессии Глеба, «кандидат», обращаясь к жене, говорит: *«Типичный демагог-кляузник... Весь набор тут». «Кляузы»* (в прямом смысле) здесь, конечно, ни при чем, но дело не в этом, а в том, что внутренняя форма выражения дает Глебу повод для продолжения агрессии: *«Не попали. За всю жизнь ни одной анонимки или кляузы ни на кого не написал»*.

Смысл манипуляции заключался в сознательном нарушении Глебом такого принципа речевого общения, как корпоративность, предполагающего, что для взаимопонимания у общающихся должны быть одинаковые презумпции. Но именно одинаковость Глебу не нужна. Глеб, имитируя спор в логико-информативной сфере языка-знака (диктума), на самом деле стремился к победе в сфере языка-внушения (модуса), его оппоненты не успевали почувствовать этот переход и потому проигрывали (по крайней мере, в глазах зрителей и слушателей, для которых важен был именно модус и психология: растерянность одних и победная «поступь» другого).

КС «Гена Пройдисвет» (идейный конфликт, провоцируемый инвектором)

В рассказах В.М. Шукшина люди часто сталкиваются не столько как разные психологические типы, сколько как носители определенных идей, жизненных ценностей. В этом смысле такие конфликты являются «подготовленными» и неизбежными. Это столкновение точек зрения весьма характерно для творчества В.М. Шукшина.

Рассказ «Хозяин бани и огорода» внешне развивается по типу актерского (демонстративного) сценария, рассмотренного выше. Хозяин бани и его сосед ждут, когда баня натопится, и разговаривают, причем острую тему задал именно хозяин, явно подводя к «нарыву» в своей душе, который он хотел бы «вскрыть»: *«Посмотрел задумчиво в землю и поднял голову... – Хошь расскажу, как меня хоронить будут? – Чуть сощурил глаза в усмешке»*. И далее слово за слово разговор плавно подходит к главному – хозяин бани и огорода упрекает соседа за то, что

тот пользуется чужим, причем не считает это зазорным. Сосед понял, что угнетает хозяина бани: « – **Вот видишь, из тебя и полезло. Баню пожалел... – Не баню пожалел, а ... свою надо починить. Что же вы, так и будете по чужим баням ходить? – Ты же знаешь, мне не на че пока тесу купить**». Далеко не случайно в реплике хозяина появляется множественное число (*вы будете, по баням*) – это, действительно, упрек не конкретному соседу, а вызов образу жизни, а точнее ценностям жизни, которые хозяину непонятны, чужды, и он вываливает давно наболевшие слова в ответ на оправдание соседа о нехватке денег: «*Да у тебя сроду не на че! У тебя сроду денег нет! Как же у других-то есть? Потому что берегут ее, копейку-то. А у тебя чуть завелось лишка, ты их торописся загнать куда-нибудь. Баян сыну купил!.. Хэх!*».

Характерно, что спор идет в достаточно выдержанных тонах. Это идейный спор. Но выдержки не хватает, и психологическая энергия сдерживания выливается наружу через пробитые взаимными обидами «дыры в ауре», оппоненты дают волю своей агрессии. Однако хозяин, более подготовленный к такому обороту речевого поединка, держит удар крепче, сохраняет равновесие и «одерживает верх» (по крайней мере, психологически). Оппоненты расходятся непримиримыми. Повидимому, надолго.

Такой же, по сути, сценарий развития конфликта в рассказе «Гена Пройдисвет». Гена тщательно готовится к идейному спору со своим дядей, который уверовал в бога, но, по мнению Гены, неискренне, показушно. Он хочет его «разоблачить» в словесном диспуте. Характерная деталь. На доводы Гены его дядя отвечает довольно агрессивными выпадами, на которые Гена как бы не обращает внимания: ему важно вести спор в идейном русле. «**Дурак, – просто сказал дядя Гриша. Подумал и еще сказал: – Волосатик. – Ты заметил, – оживился Генка, – что за то короткое время, пока мы беседуем, ты раз пять уже сказал слово "дурак"?»**. Он как может успокаивает дядю Гришу, но беседа неумолимо идет к крутой ссоре и потасовке. И вот на идейные доводы Генки оскорбившийся дядя Гриша, не выдержав, агрессивно заявляет: «**Твоими устами дерьмо жрать, а такие слова ...**». Но спор идет идейный. «*Генка испугался, еще более оскорбился, и злость тоже взяла. Он теперь отчетливо знал: правда его, а ложь, лохматая, бессовестная, поднялась и рычит*». Спор этот также закончился внешним примирением, но внутренне противники «остались при своих мнениях».

* * *

Список КС, развернутых в рассказах В.М. Шукшина, далеко не исчерпывается их перечисленными вариантами, и каждый из КС не ограничивается одним рассказом. Скажем, «Владимир Семенович из мягкой секции» представляет тип КС «Глеб Капустин», «Мой зять украл машину дров» (конфликт героя с обвинителем), «Рыжий» – КС «Саша Ермолаев» и т.п. Многие КС носят комбинированный характер. К примеру, бытовые конфликты Князева из рассказа «Штрихи к портрету» совмещают элементы КС «Константин Смородин» (инвектор подготовлен к взрыву) и КС «Гена Пройдисвет» (идейная подоплека бытовых конфликтов).

Литература

Аспекты речевой конфликтологии. СПб, 1996.

Рассказ В.М. Шукшина «Срезал»: Проблемы анализа, интерпретации, перевода. Барнаул, 1995.

Седов К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Язык и человек. Саратов,

1996. Вып. 26.

Шукшин В.М. Рассказы / Сост. и комм. В. Горн. Барнаул, 1989.